

РАЗДЕЛ III. ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЬНОМ И ВУЗОВСКОМ ИЗУЧЕНИИ

УДК 821.161.1.09"20"

А. Н. Романова

Костромской государственной университет
romanovaal@mail.ru

ДУХОВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ-ШКОЛЬНИКА

В статье рассматриваются проблемы обучения школьников русской литературе, причины затруднений подростков при анализе классических произведений.

Ключевые слова: русская литература, изучение литературы в школе.

Alyona N. Romanova

Kostroma State University

SPIRITUAL LANDMARKS OF RUSSIAN LITERATURE IN THE PERCEPTION OF THE MODERN SCHOOLCHILDREN

The article deals with the problems of teaching Russian literature to schoolchildren, the reasons for the difficulties of adolescents in the analysis of classical works.

Keywords: Russian literature, study of literature in school.

Среди произведений современных авторов, пишущих для детей и подростков, составителями Примерной программы по родной русской литературе рекомендован для чтения и изучения в 8 классе рассказ А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак «Радость жизни» [5, с. 28]. Логика составителей программы нетрудно понять: рассказ короткий, легкий, рисует ситуацию, хорошо знакомую каждому школьнику, и содержит довольно прозрачную «педагогическую идею». (Героиня рассказа, девочка Таня, под влиянием прочитанного на уроке литературы произведения задумывается о ценности жизни, осознает её хрупкость и даже решает помириться с одноклассницей.) Действительно, изучая рассказ, можно поговорить с ребятами и про радость жизни, и про важность хороших отношений между людьми. Но учителя литературы и методиста, несомненно, заденет ситуация, послужившая завязкой рассказа. При всей карикатурности (что подчеркнуто «анекдотическим» именем учительницы и «ералашной» фамилией ученика), она выглядит симптоматичной и вызывает на размышления о современном литературном образовании, вероятнее всего не предусмотренные авторами рассказа:

– Вы совершенно бесчувственные! У вас нет ничего святого! Что вы... – Марь Иванна попыталась подобрать литературное выражение, но не сдержалась, – ржёт как кони? Тут нет ничего смешного! Это трагедия!

Пацаны на задних партах с огромным трудом держали серьёзные лица.

Прочитанное по программе произведение действительно было трагедией, главный герой умирал от страшной болезни, умирал всю последнюю главу.

Таня сидела за первой партой, и, чтобы посмотреть на класс, ей пришлось оглянуться. Большинство отбывало урок, равнодушно уткнувшись в учебник. Или делали вид, что уткнулись в учебник, а сами занимались своими делами.

– Что смешного? – с отчаянием в голосе спросила учительница.

– Да Марь Иванна, что ж они все умирают-то? – спросил Препяхин. – В прошлой повести героя на войне убили, этот от болезни умирает, Муму утопили. Сил нет их всех жалеть! [1].

Действительно, русская классическая литература не любит рисовать картины житейского благополучия, истории успеха, хеппи-энды на голливудский манер – не в её духе. Это особенно заметно, когда сравниваешь произведения русской и зарубежной литературы, схожие по тематике и сюжету. Вот, например, в романе Марка Твена «Приключения Тома Сойера» немало страниц отведено дружбе Тома с босяком Геком. И в повести В. Г. Короленко «Дети подземелья» развивается подобный сюжет. Оба произведения (в сокращении) сегодня включены во многие авторские программы по литературе и изучаются в 5 классе. Но вспомним финал каждой из этих книг. Том вместе с Геком получают клад стоимостью в двенадцать тысяч долларов и становятся богачами (неважно, что клад принадлежал индейцу Джо, убийце и бандиту, а значит, эти деньги отняты у кого-то). История дружбы Васи, сына судьи, с бездомными ребятами, живущими среди серых камней, заканчивается совсем иначе. Жизненные конфликты (социальные противоречия, нравственные коллизии) не находят в повести Короленко полного разрешения. Умирает маленькая Маруся. Валек и Тыбурцкий покидают город навсегда. Они бродяги и воры, нарушители закона. Сознание этого в душе главного героя соединяется с глубокой симпатией к обездоленным людям, образуя сложный комплекс противоречивых чувств. Лишь один конфликт разрешается: Вася наконец завоевывает внимание и любовь отца. И вот последние строки повести:

«Мы с Соней, а иногда даже с отцом посещали эту могилу; мы любили сидеть на ней в тени смутно лепечущей березы, в виду тихо сверкавшего в тумане города. Тут мы с сестрой вместе читали, думали, делились своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности. Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же, в последний раз, мы оба, полные жизни и надежды, произносили над маленькою могилкой свои обеты» [3, с. 80].

Воспримет ли современный пятиклассник жизнеутверждающий пафос такого финала, в котором больные не выздоровели, а бедные не разбогатели? Если нет – легко предположить, что отечественная литература скоро утомит его «беспросветными» сюжетами.

Авторы рассказа вкладывают в уста подростка Препяхина слова и мысли, которые порой можно услышать от взрослых и даже весьма известных людей: русская литература (классика в особенности) мрачна и уныла, она вечно показывает «свинцовые мерзости» жизни, бесконечно смакует страдания, а потому читать её скучно и даже вредно. Она воспитывает неудачников и «лишних людей». Сетевые источники переполнены состраданием к детям, вынужденным «читать все эти длинные тексты». То и дело звучат предложения заменить слишком трудные, непонятные, скучные, сложные, печальные и проч. произведения школьной программы более короткими, простыми, близкими детским интересам и т. д. Собственно появление в обязательном перечне по родной русской литературе рассказа «Радость жизни» (а также произведений А. А. Гиваргизова, А. С. Игнатовой, Т. В. Михеевой) показывает, что эти призывы вовсе не остаются бесплодными [5].

В этих условиях необходимо снова и снова обращаться к духовным истокам русской классики, осознавая её незаменимость для воспитания души. Постигая причины, которые затрудняют современному школьнику понимание отечественной литературы, можно найти способы преодолеть эти трудности и открыть подростку красоту русского слова, служащего не минутной потехе, а подлинной духовной радости.

Корни отечественной литературы питаются мыслью христианской. Слово, которым русский художник творит свой вымышленный мир, – это слово сакральное, изначально предназначенное и подготовленное для христианского просвещения народов. Письменный язык, созданный трудами просветителей славян, несет в себе определенную систему координат и, став языком художественной литературы, он эти нравственные ориентиры сохраняет и подчиняет им индивидуальную фантазию художника, порой даже вопреки его собственным рациональным убеждениям или идеологическим установкам эпохи.

Русскую классическую литературу волнует не история жизни и земная карьера героя, а история души: её путь к гибели или спасению, её греховное падение и воскресение. «Не внешний жизненный успех, не богатство, не мнение в глазах окружающих, не звания, не чины, а внутренний мир человека независимо от его положения в обществе, жгучая христианская совесть оказались в центре внимания нашей классической литературы» [4, с. 7].

«История души человеческой, – писал М. Ю. Лермонтов, – едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа». Да и история народа, страны – не есть ли следствие и зримое проявления истории души? Так мыслят древнерусские книжники, и с ними едины классики Нового времени.

Одна из вершин древнерусской словесности – «Слово о полку Игореве» – это не только история военного похода, но и личная история князя Игоря. Его ослепления, гордыни, позора, навлекшего бедствия на всю Русь, – и прозрения, раскаяния, которое осмыслено автором «Слова» как залог избавления всей русской земли от тяжких бедствий. Продолжая эту логику, Пушкин в «Борисе Годунове» показал, что Смута, разрушительная для государства, есть следствие нравственного падения государя, не желающего покаяться в совершенном преступлении, а также следствие омертвления множества душ, составляющих народ. Равнодушие подданных, безответственно и бессмысленно участвующих то в фальшивых выборах царя, то в мятежах и бунтах, торжество в князьях и боярах личной корысти над долгом, распутство монахов-гуляк Варлаама и Мисаила – все это и есть Смута. И лишь когда в финале трагедии каждая душа в огромной народной массе содрогается и безмолвствует перед лицом нового злодейства, – появляется надежда на перелом в историческом процессе, надежда на преодоление смуты. Пушкин оставляет действие пьесы в этот момент пробуждения общенародной совести, пробуждения души. Так же, на житейском перепутье, он оставляет и своего Онегина – пробужденного от многолетнего духовного обморока любовью к Татьяне.

«Душе настало пробужденье...». Этот сюжет – в лирике, в эпических формах и в драме – главный сюжет русской литературы, развивающийся в бесконечном множестве индивидуальных вариантов.

Но и узнавание этого сюжета, и способность адекватно на него реагировать требуют от читателя определенной работы. Здесь недостаточно «извлекать и обрабатывать информацию» с прагматической целью. Но недостаточно и простого эмоционально-чувственного отклика. Истории героев здесь никогда не протекают только в пространстве материального мира. Они всегда одновременно разыгрываются и в пространстве вечности, в координатах абсолютных ценностей. (Такую многомерность М. А. Булгаков сделал структурной основой романа «Мастер и Маргарита», предельно обнажив её перед читателем, но в лучших произведениях русских писателей эта многомерность присутствует всегда, хотя и не так явно.) Читатель должен осознавать духовное измерение сюжета при чтении и осмыслении любого шедевра отечественной литературы. И современному учителю необходимо умение организовать прочтение на этом уровне. А иначе произойдет то, что описано в рассказе «Радость жизни», где духовное нечувствие распространилось на учащихся и учащихся. Истории, рассказанные писателями, целиком поместились в земное измерение, а потому главным событием стала смерть персонажа. Того убили на войне, другой умер от болезни, Муму утопили, – все это «трагедии», по определению Марь Ивановны. Все произведения становятся одинаковыми, герои – совершенно неразличимыми. Такая реакция детей и такая беспомощность учителя возможны лишь в ситуации глубокого разрыва с духовным наследием отечественной литературы, в ситуации утраты духовной составляющей мирозерцания. Без них описанная в литературном произведении смерть персонажа есть только смерть, конец жизни – и ничего более.

В контексте национальной традиции, физическая смерть или гибель персонажа есть часть его духовной биографии, и она не бывает «одинаковой» для всех. Напротив, она выявляет са-

мую суть жизненного пути героя, являет нам его сердцевину. Всегда ли уместно назвать уход из жизни «трагедией»? Всегда ли смерть героя должна вызывать у читателя жалость? Поразительна и полна драматизма смерть князя Олега от укуса змеи, но едва ли рассказчик этой истории (будь то древнерусский летописец или Пушкин) стремится вызвать у нас сентиментальные чувства. Трагична гибель Евпатия Коловрата, но сколько в ней величия! Что может быть прекраснее, и трогательнее, и светлее, чем описание блаженной кончины Петра и Февронии Муромских? Позорная смерть предателя Андрия от отцовской руки и мученическая смерть Остапа – разве они одинаковы? Напротив, они контрастны и каждая – венец духовной жизни героя. Одна – следствие отречения от родины, кровного родства и духовного братства, следствие страстного ослепления, чувственного морока. Другая – подвиг, укрепивший силы братьев по оружию в трагических обстоятельствах.

Конечно, в литературе Древней Руси, полностью подчинённой христианским идеалам, момент перехода человека из дольного мира в вечность был в центре внимания каждого книжника. Но и в русской литературе Нового времени связь с православной традицией не прерывалась. Земная жизнь героя и его смерть изображаются русскими писателями в перспективе духовного движения, определяющего судьбу бессмертной души.

В начале XIX века у поэтов-романтиков был популярен сюжет баллады о Леноре. В оригинальном варианте героиню, проклинавшую жизнь и Творца за то, что лишена счастья с возлюбленным, жених-мертвец увлекал с собой в могилу. Вот как это звучит в переводе П. А. Катенина (баллада «Ольга»):

Что же мигом пред собою
Видит Ольга? чудо! страх!
Латы всадника золою
Все рассыпались на прах:

Голова, взгляд, руки, тело —
Всё на милом помертвело,
И стоит уж он с косою,
Страшный остов костяной.

Ольга в страхе без ума,
Неподвижна и нема [2, с. 97].

В балладе «Наташа» тот же Катенин переосмысливает сюжет в народно-православном духе. Наташа тоскует о женихе, который погиб за Отечество на полях сражения:

Спит и видит: сердцу милой
Стал пред ней как бы живой,
С новой бодростью и силой,
С новой, чудной красотой;

Будит: «встань, проснись, Наташа!
Ждёт давно нас свадьба наша;
Под венец скорей пойдём,
Вместе век свой заживем.

Нашу призрел Бог разлуку,
Веру райской ждёт покой;
Жениху дай, радость, руку,
Помолись, и в путь за мной».

Тут Наташа помолилась,
Тут во сне перекрестилась:

Как сидела, как спала,
К жизни с милым умерла [2, с. 81–82].

Можно ли про этих героинь сказать одинаково: просто умерли? Если для условного Препяхина эти финалы одинаковы и для условной Мариванны все они в равной мере «трагедии» – это свидетельство чудовищного упрощения нравственного мира и полного отсутствия художественной восприимчивости.

Откуда же возникает такой разрыв с отечественной традицией? Почему возможно подобное нечувствие в учениках, а порою и в учителях? Одна из причин – огромная диспропорция в изучении разных этапов истории русской словесности, недостаточное внимание к древнерусской литературе. Из всего её громадного наследия обязательным для изучения по-прежнему остается только «Слово о полку Игореве». К сожалению, указанную проблему не решает и предложенная РАО Примерная программа по Родной русской литературе. Хотя в ней православные традиции русской культуры отчасти учитываются при подборе содержания. (Это отражено, например, в тематическом блоке «Праздники русского мира».) Однако ни одного произведения Древней Руси в Примерной программе не оказалось. Словесность XI–XVII веков для составителей оказалась «неродной», или над ними довлела боязнь «перегрузить» школьников «сложными текстами».

Но, поддаваясь ложной заботливости и отрывая детей от мощного наследия нашей традиционной культуры, мы не даем им возможности увидеть истоки многих образов и сюжетов отечественной словесности, а главное – лишаем их правильного понимания этих сюжетов и образов. И в итоге плодим «препяхиных». Чтобы этому противостоять, необходимо поддерживать традиции изучения русской литературы на основе тех нравственных координат, которые заложены в ней самой, определены её истоками: неразрывной связью с православной верой, национальными идеалами русского народа.

Литература

1. Жвалевский А. В., Пастернак Е. Б. Радость жизни // А. В. Жвалевский, Е. Б. Пастернак. Типа смотри короче. М., 2019. URL: <https://knizhnik.org/andrej-zhvalevskij/tipa-smotri-koroche/1> (дата обращения: 20.04.2021).
2. Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л., 1965.
3. Короленко В. Г. Дети подземелья. Повести рассказы и очерки. М., 2016.
4. Лебедев Ю. В. Русская литература XIX века: Курс лекций для бакалавриата теологии: в 2 т. Т. 1. М., 2020.
5. Примерная программа по учебному предмету «Родная литература (русская)» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования. URL: <https://fgosreestr.ru/registry/rodnyay-literature-russkay-5-9/> (дата обращения: 25.02.2021).